

“Что касается нового тысячелетия, то к его концу, по всей вероятности, значительная часть землян благодаря успехам генетики будет летать на своих собственных крыльях”

РУБЕЖ

93

недели до 2000 года

ВЕКОВ

На вопросы анкеты
«МН» отвечает писатель

Василий АКСЕНОВ

Моя новелла. — 1998. — 29 марта. — с. 17.

1. Какого рода новые страхи появятся в XXI веке?

Страх также естественен для человеческой расы, как дыхание, зрение, слух, осязание и прочее. У него, конечно, есть традиции: ужас, тревога, осторожность, осмотрительность, однако в основе этих состояний лежит все тот же первичный страх, который живет в потомстве Адама с первого дня изгнания из рая. Иными словами, время и страх неразделимы. Когда кончается время, тогда, должно быть, кончается и страх в том виде, в каком мы его испытываем. Первопричинный страх, разумеется, связан с непостижимостью бытия и небытия.

В ходе истории, конечно, появляются новые страхи. Добрая половина XX века, например, прошла под страхом атомной бомбы. Апокалипсис вдруг стремительно и реально приблизился. Потом к этому страху как-то притерпелись. Способность преодоления страха — это одно из чудесных (от слова «чудо») свойств человека. Трудно сказать, какое начало в страхоборчестве преобладает — божественное или демоническое.

Страхоборчество знаменует собой начальную эпоху научного и технологического развития. В XIX веке нам нередко казалось, что мы побеждаем природу, что возникает новый человек, который «по полюсу гордо шагает, меняет течение рек». Экзистенциальный страх, angst, однако, никуда не делся, он был всегда с нами. В принципе, именно этот страх и разрушил материалистическую философию. В нем, между прочим, выражалось очень сильное творческое начало.

Ныне наука и технология развиваются несусветными темпами. В этой связи многие говорят: даже страшно. Думаю, что это бытовое выражение произносится не просто так, что в нем сидит не страх перед какой-нибудь войной или газовой атакой в метро (хотя и это тоже), в нем сидит тот самый непостижимый экзистенциальный бука.

Раньше мы считали, что наука открывает тайны бытия. Она и сейчас это делает, но с каждой открытой тайной бездна становится все глубже, и ей нет конца. Новые страхи будут возникать в связи с расширением наших горизонтов. Сравнительно недавно я читал статью одного российского физика, в которой он взвешивал те или другие тайны Вселенной. В конце статьи он скромно заметил, что речь идет только о «нашей Вселенной». О «других вселенных» пока что речь идти не может. Герой набоковского «Бледного огня» предположил, что, если землю лишить ее электричества, она не просто развалится на куски, она растает, как призрак. Страх — это тоже своего рода электричество. Ну, хватит об этом.

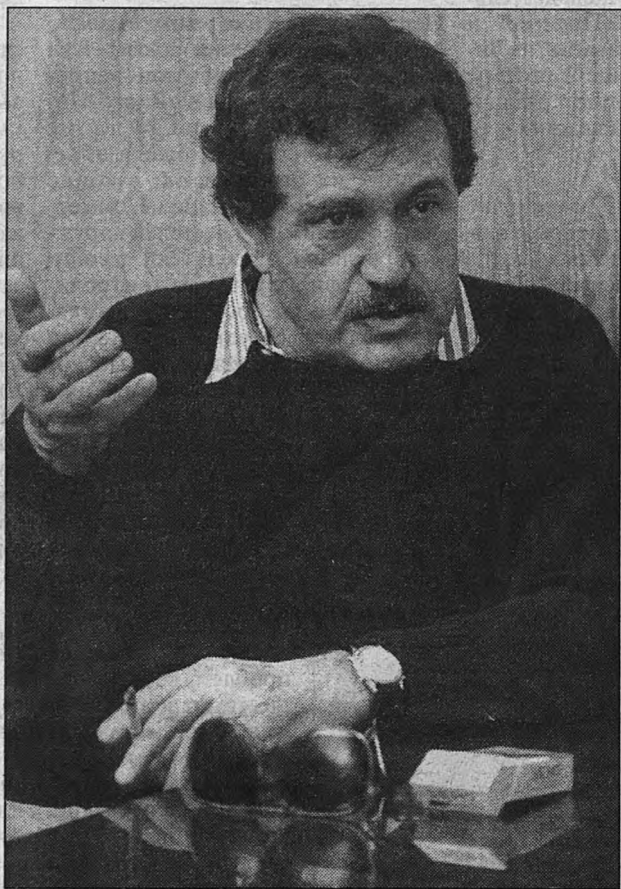
2. Будут ли сделаны в новом столетии такие научные открытия, которые значительно укрепят позиции атеизма? Или наоборот — веру в Бога?

Нынешняя наука (а уж тем более наука XXI века, если вдруг не начнется какая-нибудь неожиданная деградация) так же далека от концепции атеизма, как электричество от стегариновой свечки. В принципе, высшее проявление атеизма — это ухмылка Ленина. В то же время даже самая наивная вера в Бога — это колоссальная поэзия. Метафора в научном и мистическом смысле сильнее механической логики.

Материалисты любили говорить: «Чудес на свете не бывает». Сейчас существует странная тоска по чудесам. Иногда спрашивают: Почему молчит космос? Почему не приходят чудеса? Между тем мы живем в окружении чудес. Разве не чудо свершается, когда вы в

Самаре засовываете в какую-то щель записку, и через пять минут она вылезает из другой щели в Австралии? Неслыханное ускорение технологического прогресса является не чем иным, как приглашением к ожидающей нас феерии чудес.

В последнее время я часто общаюсь с ге-



Николай Галкин

скрыть, в то время как в древности это считалось нормой везде.

В нашем уходящем веке наряду с массовым насилием возникли прежде не виданные либеральные системы — вроде ООН. Никогда еще не было ранее, чтобы при голоде в какой-нибудь части мира из другой части мира вылетала воздушная армия с едой. В принципе, мы можем ожидать, что эти абсолютно новые в человеческой истории системы будут и далее развиваться.

4. Можно ли ожидать новую волну интереса к учению Маркса, новые попытки построения рая земного — коммунизма?

Марксовского капитализма больше не существует. Маркс останется только в учебниках истории. Однако новые утопии будут возникать то тут, то там, особенно в исламском мире.

5. От каких нынешних государств и правителей вы ожидаете в новом столетии действия, способные омрачить жизнь всего мирового сообщества? Могут ли появиться в XXI веке диктаторы наподобие Сталина или Гитлера?

Сомневаюсь, что в новом веке на планете возникнет блаженное единение. Как раз наоборот, уже сейчас нарастает боевой вал по границам иудео-христианского и исламского миров. К религиям это разделение не имеет никакого отношения. Гораздо больше — к комплексам превосходства и неполноценности. Исламские государства — быть может, в союзе с азиатским коммунизмом — начнут долгое противостояние с Западом. Надеюсь, мировой войной это все-таки не кончится. Надеюсь также, что Россия окажется на западной стороне. Иначе ей несдобровать.

6. Если наступит время, когда невозможны войны, кровавые революционные беспощадные конфликты, не приведет ли это «обилие гуманизма» к невыносимой скуке и не взорвет

Демократические ценности пока что приняты меньшинством земного населения. XXI века не хватит для их повсеместного внедрения. Еще более важным стимулом безостановочного развития является то, что даже в странах модельной демократии люди не могут разобраться, где кончается демократия и начинается охлократия. Лишь один, но сильный пример дает нам пресловутая «политическая корректность», задуманная как высшая демократия, но превратившаяся в «краткую тупицу». Здесь, в США, это особенно наглядно, когда следишь за деятельностью прокурора Старра и за СМИ, активность которых в составлении сексуальной биографии Клинтона не может не вызвать в памяти строчку Галича: «А из зала кричат: «Давай подробности!»».

8. В наше время, когда кажется, что все поддается познанию, освоению, как вы полагаете, что останется даже в XXI веке непознанным, неосвоенным?

Чем больше познается, тем больше открывается непознанного. Этому процессу нет конца, потому что перед нами бездны непознаваемого.

9. Какие, по-вашему, произойдут изменения в отношениях между супругами и в целом между мужчинами и женщинами, верны ли предположения, что резко изменится отношение к супружеской неверности, угаснет чувство ревности? Можно ли ожидать, что в новом столетии браки во всем мире будут заключаться в значительно более раннем возрасте: скажем, в 13 — 15 лет?

Вообще-то в основном все останется по-прежнему. Попытки ликвидировать ревность в революционной общине красной России 20-х годов, а также в коммунах хиппи 70-х окончились провалом. Ревность является сильным творческим импульсом, ибо в ней содержится глубочайшая страсть, желание преодолеть

разъединение, поиски своего собственного «ребра» или своей собственной «грудной клетки».

В новом веке, безусловно, увеличится число однополых браков. Мастурбирующая порнокультура во многом себя исчерпает и даже вызовет своеобразную асексуальность.

10. Назовите (в порядке значимости) основные источники человеческого радости в новом столетии:

- хорошая семья,
- творческие достижения,
- финансовый достаток,
- приверженность религии,
- участие в политике,
- развлечения, путешествия,
- отшельничество.

Вместо ответа (ответов) на ваш последний вопрос мне хочется сказать следующее. В новом веке, очевидно, произойдет кардинальное изменение человеческой походки. Вместо вышагивания человечество начнет скользить на повсеместно распространенных новых моделях обуви, лишь отдаленно напоминающей современные роликоты. Люди всех возрастов и всех уровней здоровья будут скользить навстречу друг другу и от друг друга, города превратятся в своеобразные катки. Это нововведение принесет нам долгожданную легкость и самоиронию.

Что касается нового тысячелетия, то к его концу, по всей вероятности, значительная часть землян благодаря успехам генетики будет летать на своих собственных крыльях.

ДОСЬЕ «МН»

АКСЕНОВ Василий Павлович

родился в 1930 г. в Казани. Родители репрессированы.

В 1956 г. окончил медицинский институт в Ленинграде,

работал врачом на Крайнем Севере. В 1960 г. в журнале «Юность»

увидела свет его повесть «Коллеги», которая

принесла автору исключительную популярность.

Вслед за тем в печати появляются

его «Звездный билет», «Апельсины из Марокко»,

многие другие повести и рассказы.

С 1980 г. — в эмиграции, живет в США,

преподает литературу американским студентам.

С 1990 г. снова печатается в России.

ли эта скука сама по себе занудно-мирное течение жизни? Иначе говоря, не станет ли скука новой серьезной мировой проблемой?

Трудно представить, что на земле когда-нибудь возникнет изобилие или даже избыток гуманизма. Гораздо легче представить, что гуманизм может стать синонимом скуки. Между тем для отвлечения от скуки совсем не обязательно предаваться жестоким забавам. Есть дела поважнее — например, космос. На мой взгляд, мы колоссально отстали в развитии космических дел. Вспомните фильм Стенли Кубрика «2001 год: Космическая одиссея». До этой даты осталось меньше трех лет, а космическими одиссеями даже не пахнет. Международная орбитальная станция в самом начале проекта. Человечество, я думаю, должно во много раз ускорить свои усилия по колонизации околоземного пространства. В этом содержится огромный практический смысл, связанный с неукротимым ростом населения, истощением ресурсов, а также и с нарастанием скуки среди благополучия. Устремленному в космос человечеству не будет скучно, даже если оно перестанет драться из-за денег.

7. Не исчерпают ли демократические нормы и ценности в XXI веке свою способность регулировать общественные и межгосударственные взаимоотношения на началах гуманизма?

На вопросы анкеты «МН» в 1998 году отвечали Михаил Горбачев, Марк Захаров, Иегуди Менухин, Александр Яковлев, Владимир Войнович, Татьяна Толстая, Станислав Лем, Нэнси Сифер, Александр Бовин.